(Не)вечная память: жизнь и смерть спонтанных мемориалов

Елена Фёдоровна Югай [1]

✉ leta.ugay@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8612-1361

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Югай, Е. Ф. (2019). (Не)вечная память: жизнь и смерть спонтанных мемориалов. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 122–143.

Спонтанные мемориалы отмечают место поминовения в городском пространстве. В отличие от кладбища, за которым ухаживают родственники, они создаются чужими людьми, и сразу несколько групп могут считать себя ответственными за приношения. Ликвидация такого объекта становится проблемой, так как он не может быть просто убран коммунальными службами. Проблема проявилась особенно остро во время онлайн обсуждения судьбы мемориалов, возникших после пожара в Кемерово в 2018 году. Вернакулярные мемориалы имеют сложного адресата. Во-первых, это сообщество, которое образуется поминальным ритуалом, во-вторых, жертвы, сверхъестественный адресат. Статья отвечает на следующие вопросы: кто имеет право принимать решение, что делать с мемориалом, и какие модели проявились во время обсуждения 2018 года. Материалы включают интервью и наблюдения, выполненные автором во время работы в группе «Мониторинг актуального фольклора» (РАНХиГС).

Ключевые слова: коммеморация, спонтанные мемориалы, пожар в Кемерово, мусор, уничтожение ритуальных предметов

The (non)-eternal memory: The life and death of spontaneous shrines

Elena F. Yugai[1]

✉ leta.ugay@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8612-1361

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Yugai, E. (2019). The (non)-eternal memory: The life and death of spontaneous shrines. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 122–143. (In Russian).

Spontaneous shrines mark the places of commemoration in urban space. In contrast to cemeteries, which are taken care of by relatives of the deceased, spontaneous shrines are constructed by strangers, and several groups at once might believe themselves responsible for the offerings. Disposal of such an object becomes a problem, as public utilities cannot simply clear it. The problem came to the fore during the online discussions concerning the

clearing of shrines constructed in memory of the 2018 fire in Kemerovo, Russia. The vernacular memorials have a complex addressee. Firstly, they address to the community consolidated by the commemorative rite itself, and secondly, to a supernatural addressee (the victims). The paper covers the problems of who is entitled to decide the fate of a memorial and which models were discovered during the 2018 discussion. The materials that the paper is based on includes interviews and observations conducted by the author under the "Monitoring of current folklore" project (RANEPA), as well as data on some other urban and rural practices.

Keywords: commemoration, spontaneous shrines, Kemerovo fire, garbage, disposal of ritual objects

25 марта 2018 в кемеровском торговом центре «Зимняя Вишня» произошел пожар, жертвами которого стали десятки человек, в основном, дети. В течение следующих трех дней в пространстве городов образовались комплексы из поминальных приношений — спонтанные мемориалы. Это стало самым массовым явлением за последние годы такого типа: по данным группы «Мониторинг актуального фольклора», как минимум 246 городов и крупных поселков сделали 335 спонтанных мемориалов, из них 25% населенных пунктов — два или более мемориала, один из которых часто организовывался местными властями (институциональный), а другой создавался усилиями обычных людей, а не институтов (вернакулярный)[1].

Такая бурная коммеморативная реакция, непривычная для российской публики, вызвала к жизни дискуссию о новой городской традиции: как правильно и неправильно поминать погибших, зачем это делать в публичном пространстве и как поступать с мемориалами и с подношениями на нем. Фактически, мы наблюдаем мучительную выработку новой конвенции. Именно этому процессу и посвящена статья.

Материал для исследования коммеморативных практик и связанных с ними предписаний собирался в ходе наблюдения над мемориалами в Москве (во время работы в группе «Мониторинг актуального фольклора», 2015–2017), интервью с жителями столицы и мониторинга соцсетей (без территориальных ограничений). В качестве вспомогательных данных привлекаются полевые материалы, собранные во время многолетних экспедиций в города и деревни Вологодской области.

Спонтанные мемориалы, непроговоренность причин и масштабы трагедии

Традиционно поминовение умерших — это сфера заботы родных и близких. Специфика спонтанного мемориала, согласно мнению Джеффри Дарбина, в том, что он создается чужими людьми, а не родными погибших [Durbin 2003], а, по мысли Джека Сантино, главное в спонтанном мемориале — его публичность, при этом не предполагающая *наблюдателей*:

[1] Подробнее об этом см. первый материал раздела [Архипова, Козлова, Гаврилова 2019].

даже если мемориал создан членами семьи или друзьями, он приглашает к участию незнакомых. Любому прохожему отводится роль не пассивного зрителя, как в театре, а участника, как в ритуале [Santino 2004: 365].

Что такое спонтанный мемориал? Незнакомые люди образуют сообщество, собираясь вокруг маркированного места в городе. При этом лентами, цветами и персональными вещами отмечается *значимое* отсутствие одного из членов сообщества [Santino 2003: 367]. Значимость определяется коллективно и, по мнению Сантино, всегда носит политический характер, будь то убийство афроамериканца или гибель вследствие теракта. Другими словами, мемориал возникает и становится популярным, если трагедия отражает важные для общества проблемы.

При этом действует следующий механизм: если на войне врага деперсонифицируют, чтобы его легче было убить, то здесь, наоборот, проблема обретает человеческое лицо. Мемориал как будто говорит: «Пьяное вождение для вас не проблема? Из-за него погибла моя дочь — вот здесь, на этом самом месте. Подростковое пьянство? Ответственный за смерть толпы детей — прямо тут. Округ не хочет тратиться на улучшение дорог? Посмотрите на все эти кресты вдоль этого участка дороги» [Сантино 2019: 24].

Пожар в Кемерово дал возможность поговорить о важной проблеме: халатность в отношении правил безопасности вследствие коррумпированности хозяйственной сферы. Опрос Левада-центра, проведенный через месяц после пожара, показал необычайно высокую информированность россиян: 85% слышали о Кемерово «много» и только 1% не слышали вовсе. Больше половины слышавших назвали причинами пожара халатность владельцев ТЦ, «которые намеренно игнорировали правила безопасности», халатность пожарных и сотрудников, коррупцию в государственных органах, ответственных за соблюдение правил безопасности (каждый из ответов был выбран более чем половиной знающих о пожаре). Другие версии, включая «трагическое стечение обстоятельств» и затруднение при ответе, поддерживаются гораздо меньшим количеством опрошенных [Трагедия в Кемерово 2018, 26 апреля].

В этом свете антикоррупционные плакаты на Пушкинской, которые вызывали недоумение и вопросы этического характера у некоторых скорбящих, пришедших почтить память жертв кемеровского пожара[2], были не только уместны, но и необходимы. Создание московского спонтанного мемориала памяти жертв трагедии в Кемерово на Пушкинской площади, центральном месте, где проходит и назначает встречи множество людей, показатель всеобщей вовлеченности в трагедию[3]. Пушкинская площадь — это еще и постоянное место публичных

[2] Здесь и далее замечания по поводу поведения людей у спонтанных мемориалов делаются на основе наблюдений, выполненных автором и другими участниками группы «Мониторинг актуального фольклора» в 2017–2018 годы.

[3] Предыдущий раз подобная массовая коммеморация возникала после крушения рейса самолета А-321 в октябре 2015 года. См. о реакции: [Бюллетень МАФ 2015, Югай 2017].

политических акций в последние годы (и, кстати, знаковое место демонстрации 1965 года[4]), поэтому возникшая там тема коррупции вполне закономерна.

Для сравнения, мемориал памяти Бориса Немцова[5] поддерживается на мосту в непосредственной близости от Кремля, что лишний раз подчеркивает его адресата и оппонента хранителей памяти. В последнем случае коммуникация вокруг спонтанной святыни выливается в череду уничтожений и возрождений мемориала, что, в общем-то, и позволяет ему сохраняться на протяжении уже более четырех лет. В случае, если мемориал остается на более долгое время, чем стандартное время траура (9 или 40 дней), он меняет свою природу и из приношения умершим превращается в самостоятельный объект внимания, особенно если проблемы, к которым мемориал отсылает, не признаются решенными (как это происходит с мемориалом на «Немцовом мосту»).

Из чего состоит мемориал

Мемориалы возникают сразу после объявления о каком-либо трагическом случае, будь то падение самолета, техногенная катастрофа или смерть медийного человека. Такие комплексы часто создаются на месте, символически связанном с трагедией или с ее жертвами, например, посольство страны, в которой произошло несчастье, или в тех точках города, которые традиционно используются для публичных акций. По набору предметов, которые приносят скорбящие, спонтанные мемориалы напоминают кладбища — свечи, цветы, фотографии погибших. Некоторые из приношений повторяются из комплекса в комплекс, а другие уникальны.

На мемориале на Пушкинской площади значительная часть предметов отсылала к образу счастливого ребенка. Это все виды игрушек (куклы, солдатики и машинки, киндер-сюрприз, но в основном — мягкие зверушки), детские книги, заколки для волос, украшения — все то, за чем дети в «правильном» мире без трагедии ходят в торговый центр (*Илл. 1*). И это не только приношения, это еще и символы той группы, по которой скорбят создатели мемориала. Аналогичным образом к мемориалу у французского посольства в ноябре 2015 года были принесены круассан и репродукция картины Эжена Делакруа[6].

[4] «Вечером 5 декабря 1965 года, в 18:00, в День Конституции, на Пушкинской площади в Москве собралось несколько десятков человек. Основная группа стояла у памятника Пушкину. В сквере и на ступеньках кинотеатра «Россия» разместились сочувствующие. В половине седьмого собравшиеся начали разворачивать лозунги. На плакатах было требование гласного суда над писателями Синявским и Даниэлем, призыв «Уважайте Конституцию — Основной закон СССР» и лозунги в защиту тех организаторов митинга, кого в начале декабря успели принудительно отправить в психбольницу. На площади присутствовали иностранные корреспонденты; рассказывали, что в западной прессе появились даже фотографии митинга». Топография террора. Режим доступа: https://old.topos.memo.ru/demonstracii-na-pushkinskoy-ploshchadi

[5] См. подробнее [Громов 2017].

[6] Речь идет о терактах в Париже 13 ноября 2015 года, число пострадавших во время которых было объявлено рекордно высоким для Франции. В знак солидарности с жертвами россияне приносили траурные знаки к посольству Франции в Москве. База данных «Мониторинг актуального фольклора». Фотография от 15.11.2015.

Илл. 1. Бижутерия и заколки для волос на мемориале. Пушкинская площадь, Москва. Фотография Е. Югай

Илл. 2. Детская могила на деревенском кладбище. Вологодская область. Фотография Е. Югай

Игрушки отмечают места, связанные с детьми, в том числе, детские могилы (*Илл. 2–3)*. Такое обозначение встречается и в городском пространстве. Так, москвичка, детство которой пришлось на 1970-е, вспоминает, как в одном из соседних домов умер ребенок, и в память об этом дерево во дворе было украшено игрушками — мимо этого дерева девочка ходила в школу, испытывая неприятные ощущения[7].

[7] Ж., 1969, г. Москва.

Илл. 3. Игрушки на могиле, в которой похоронен младенец. Надпись на памятнике: «Под сим камнем погребено тело крест.‹ьянки› Моск. уезда ‹...› и младенец ея Николай. ‹...› Ск.‹ончалась› 1го дек. 1883 г.». Коломенское, Москва. Фотография Е. Югай

Игрушки могут быть восприняты либо как субституты детей, либо как дар им. Первое значение прочитывается, например, на одном из микромемориалов на Пушкинской площади, где в первые дни стоял заяц в респираторной маске — к нему складывали свечи, цветы и фрукты (*Илл. 4*). Второе значение проявляется в подношении игрушек к фотографиям детей и плакатам с обращениями. Такие игрушки часто не стоят, а лежат, собираются в горки, подобно подаркам под елкой.

Другая — меньшая — часть предметов на мемориале связана со спецификой смерти. Причина смерти присваивается жертвами, становится их символической собственностью: именно поэтому на католических иконах Святая Екатерина держит в руках колесо, на котором была казнена, а Святой Лаврентий — решетку для пыток. Такой тип ассоциации характерен и для спонтанных мемориалов. Например, на мемориале в честь хора им. Александрова был детский рисунок с изображением самолета, летящего над волнами[8], а на 27 марта 2018 года на Пушкинской площади у кемеровского мемориала появляются респираторные маски, символ защиты от задымления (*Илл. 4*).

Поскольку трагедия в Кемерово произошла незадолго до Пасхи, в поминальные комплексы с самого первого дня включились вербы, как реальные, так и нарисованные (в том числе, детский рисунок

[8] Речь идет о мемориалах в память об авиационной катастрофе Ту-154 25 декабря 2016 года. Их было несколько, в том числе, у здания Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии им. А. В. Александрова, у телебашни Останкино и у фонда «Справедливая помощь», так как среди погибших были артисты хора, журналисты центральных каналов и глава фонда Е. Глинка. База данных «Мониторинг актуального фольклора». Фотография автора от 30.12.2016.

Илл. 4. Игрушка в респираторной маске на мемориале. Пушкинская площадь, Москва. Фотография Е. Югай

пластилином[9], положенный к подножью памятника Пушкину в Москве) (*Илл. 5*). С середины пасхальной недели на мемориале на Пушкинской, который к этому времени существовал уже около десяти дней, появляются пасхальные яйца, на саму Пасху приносят как шоколадные яйца с надписью «ХВ» на обертке, так и простые крашеные яйца. С одной стороны, это традиционная поминальная практика — пасхальную еду приносят на кладбище и оставляют на могилах, с другой — типичное для спонтанных мемориалов обозначение времени: в комплексе памяти Елизаветы Глинки[10] были включены елочные игрушки и новогодние венки, что соответствовало времени года.

Непременная часть спонтанных мемориалов — фотографии. Будучи субститутом умершего, фотография создает эффект его присутствия и двустороннего общения. Ту же роль она выполняет и на традиционных кладбищах. Так житель небольшого города рассказывает о посещении могилы: «…фотографии на могилы делают — прямой взгляд, от него не уйдешь. Придешь и думаешь, что может быть осуждают — взгляд-то разный [у фотографии]»[11]. Так и на мемориалах фотографии могут выступать объектом обращения и организовывать мемориал вокруг себя, что видно из расположения даров в

[9] В детских садах и кружках детского творчества дети старше трех лет под руководством взрослых выполняют «рисование пластилином». Пластилин разного цвета используется как материал для аппликации, основой выступает цветная бумага или картон, что позволяет с легкостью создавать яркие композиции. Чаще всего при этом используются шаблоны или образцы. Веточки вербы из белого, коричневого и черного пластилина, в силу простоты исполнения и эффектности — один из распространенных шаблонов.

[10] Речь идет о мемориалах в память об авиационной катастрофе Ту-154 25 декабря 2016 года у фонда «Справедливая помощь». База данных «Мониторинг актуального фольклора». Фотография автора от 30.12.2016.

[11] М., 1971, Вологодская область.

Илл. 5. Детский рисунок на мемориале. Пушкинская площадь, Москва. Фотография Е. Югай.

пространстве мемориала: например, на Пушкинской площади кукла была положена рядом с фотографией погибших девочек.

И, наконец, в мемориал включаются цветы, поминальные свечи, иконы и другие универсальные предметы поминовения. Если символы пожара немногочисленны, цветы — недолговечны, то игрушки, в огромном количестве принесенные к местам памяти, стали предметом раздоров, показавших столкновение разных взглядов на спонтанные мемориалы, их назначение, адресанта и адресата.

Кому приносят подношения на мемориалах?

Если проанализировать обращения на плакатах на Пушкинской, ставших частью мемориалов, то можно выделить нескольких адресатов приношений.

Во-первых, это скорбящие жители Кемерово, к которым обращаются жители других городов. Типичным плакатом такого рода стал институциональный «Кемерово, мы с вами» и вернакулярные по типу «Кемерово, мы с вами. Комсомольск-на-Амуре. Скорбим», «Кемеровчане, мы с вами» и обращение с нулевым адресатом, в котором Кемерово становится объектом солидаризации: «Кемерово — это мы». Содержание таких плакатов — поддержка живых.

Во-вторых, это сами дети: «Простите нас», «Простите нас, дети», «Вашу смерть невозможно принять. Но вы погибли не напрасно». Оба эти адресата могут появляться в одном плакате: «Кемерово, Москва скорбит с вами! Бегите по радуге, дети! Теперь вы далеко от этого ада… Мы будем помнить вас!»[12]. На одном из маленьких мемориалов, возникших

[12] Фотография из базы данных «Мониторинг актуального фольклора».

Илл. 6. Плакат на митинге памяти жертв трагедии в Кемерово. Пушкинская площадь, Москва. Фотография Е. Югай

по периметру Пушкинской площади, между игрушками и свечами был закреплен следующий плакат: «Наши дети, наши ангелочки. Мы не вправе просить у вас прощения за пороки взрослых, но это слишком высокая цена. Ненасытная Коррупция — убивает наших детей». В последней фразе дети уже объект разговора, а адресат — тот, кто понимает пресуппозиции, стоящие за словом «коррупция» (весь протестный дискурс, за ним тянущийся), то есть даже не скорбящие взрослые Кемерово, а типичные посетители Пушкинской площади, места самых крупных публичных политических акций последних лет. Таким образом, есть адресаты-живые, и они могут быть разными, и есть погибшие дети, которые становятся потусторонним адресатом приношений.

В-третьих, адресатами — если не приношений, то мемориала в целом — становятся те, на кого возлагается вина за произошедшее. Сообщением для них будет массовость акции и сплоченность ее участников. Таков адресат, например, у появившегося на Пушкинской площади во время траурной акции плаката, оформленного в стиле «трех билбордов»[13]:

[13] Вышедший в 2017 году фильм «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» создал шаблон для протестных плакатов, популярный зимой 2017–2018 годов в России и в Европе. Такое высказывание состоит из трех фраз, каждая из которых оформляется на отдельном оранжевом прямоугольнике, и содержит упрек власти.

«владимир владимирович, ещё раз спасибо великое / просим прощения лично у вас за то что на горе пиаримся / и что еще живы» (*Илл. 6*).

Сложная адресация, включающая обращение и к прохожим, и к сверхъестественному адресату, и к его представителям (в случае Кемерово — к родным), типична для священных мест разного рода. Джек Сантино подмечает сходство коммеморативных мемориалов и деревьев, на которые повязаны лоскутки и ленты: оставление лоскутка на дереве может быть воспринято как прямой контакт с божеством, но одновременно и как послание для будущих посетителей [Сантино 2019]. В российских деревнях и небольших городах в качестве типологически похожих публичных скоплений приношений могут функционировать «святые места», отсылающие к религиозным легендам. Такие центры связывают в одну группу жителей одной местности, не знакомых лично, актуализируя их общие черты, например, веру в местночтимого святого.

В рассматриваемой ниже общественной дискуссии те, для кого акция была в первую очередь политической, практически не принимали участия, поэтому для нас важнее всего первые два типа адресата.

Как убрать мемориал?

Срок жизни индивидуальных маркеров трагедий, кенотафов на дорогах, не ограничен. Их существование не вызывает острого конфликта с коммунальными службами, однако, например, при расширении дорог возникает вопрос, могут ли рабочие просто удалить мемориал. Джеффри Дарбин говорит о легитимации спонтанной коммеморации: власти Восточной Виргинии издали закон, защищающий придорожные мемориалы, однако, когда это нужно штату, они легко удаляются [Durbin 2003: 26]. Что касается спонтанных мемориалов в городском пространстве, они тем более не могут быть вечными. Сакральный статус объекта не отменяет необходимости подчиняться санитарным нормам города, где скопление предметов в неположенном месте по истечении какого-то времени неизбежно определяется как мусор.

Разница в окончании жизни мемориала происходит из разницы в его возникновении. Адресантом институционального мемориала становятся власти, они же и отвечают за прекращение его существования, тогда как адресантом вернакулярного становится общественная группа, которая должна выработать и решение о дальнейшей жизни мемориала. К девятому дню после трагедии основная часть московского мемориала на Манежной площади была убрана. Оставался микро-мемориал у подножия памятнику Жукову, но и он пережил своего соседа только на один день. Исчезновение игрушек на Манежной не вызвало никакой реакции ни в сети, ни офлайн, но убирать мемориал на Пушкинской в эти дни коммунальные службы не решились.

Вечером 4 апреля, на десятый день после трагедии, на мемориале на Пушкинской были свежие цветы вперемешку с увядшими. Люди подходили к подножью памятника и скорбно молчали, глядя на мемориал, но были и те, кто громко и весело говорил по телефону: «Мы в центре

у памятника! Когда ты уже придешь?», то есть памятник Пушкину возвращался к своей «нормальной жизни». Спонтанные мемориалы часто занимают центральное место в городском пространстве и не могут находиться в публичных местах долго. Так, мемориал принцессе Диане существовал пару недель, а мемориалы в память о башнях-близнецах — несколько месяцев [Durbin 2003: 33]. Но многомесячное или даже многолетнее существование — это скорее исключение, обусловленное особенностями пространства, образованного катастрофой (как в случае с башнями-близнецами), или превращением мемориала в самостоятельную ценность и объект борьбы (как на упомянутом выше «Немцовом мосту»). Мемориал на Пушкинской просуществовал до конца апреля, а в первых числах мая[14], когда площадь стала точкой очередной крупной публичной акции протеста, пространство вернулось к исходному внешнему виду (приношения были убраны) и продолжило выполнять свои обычные функции.

Превращение в самостоятельный объект внимания удлиняет жизнь мемориала до одного или нескольких месяцев. 6 апреля, пятница. День. Свежих цветов практически нет, люди выходят из метро, смотрят издалека на мемориал, подходят ближе, внимательно рассматривают, фотографируют. «Пусть земля им будет пухом», — говорит женщина лет шестидесяти, закончив фотографирование. Группа франкоговорящих туристов снимает подножье памятника, какое-то время стоит перед ним. Чуть позже на том же месте стоит группа слабослышащих женщин, общающихся жестами, одна из них крестится. В целом это уже не место приношений, а место посещения (неважно, с туристическими или паломническими целями). Посетители отдают дань скорби (говорят поминальную формулу, крестятся), фотографируются на фоне знакового места, но сильных высказываний[15] — возложений цветов и игрушек, перегруппировки объектов на мемориале — не совершают. В середине апреля люди продолжают приходить на Пушкинскую, фотографировать комплекс и фотографироваться на его фоне. Это закономерное развитие мемориала. Например, Сильвия Грайдер, исследуя коммеморацию застреленных одноклассниками школьников (апрель 1999, школа «Колумбайн», США), пишет, что сначала цветы приносили сами дети и учителя, но позже мемориал стал объектом туризма: люди приезжали полными автобусами, создавались пробки. После некоторых дискуссий все объекты были собраны волонтерами и переданы родственникам и в музеи, причем местный исторический музей взял на себя ответственность за сохранение всех ценных артефактов [Grider 2007: 4].

Важен вопрос не только когда, но и кто имеет право распоряжаться мемориалом. Публичность объекта подразумевает, что люди кому-то готовы делегировать власть распоряжаться их подношениями, а кому-то — нет. Сета Лоу в статье о мемориализации 11 сентября 2001 года акцентирует внимание на общественной дискуссии по поводу того, что должно быть

[14] Для сравнения: мемориал на месте пожара в Кемерово был разобран 14 июня и вновь стал объектом приношений год спустя (что соотносится с традиционными поминальными циклами в своем, принадлежащем событию, пространстве).

[15] Подробнее о термине см.: [Архипова и др. 2017].

на месте башен-близнецов и спонтанного мемориала в их память. При этом вопрос о том, все ли голоса учтены, чувствует ли гражданин себя включенным в принятие решения и, соответственно, действительно ли решение принято обществом, едва ли не важнее для людей, чем собственно содержательная сторона этого решения [Low 2004: 330]. На примере «Немцова моста» мы имеем возможность наблюдать мемориал, который перестает быть спонтанным и становится постоянным — отчасти из-за того, что общество чувствует игнорирование этого высказывания, оно ощущает попытку его ликвидации как насилие. Но это не значит, что цветы и портреты неприкосновенны, как ритуальный предмет в традиционном обществе. Добровольно они вполне могут быть перемещены или даже убраны. Накануне митинга-концерта в поддержку Путина на Поклонной горе (2018 год) московский мемориал памяти Немцова исчез. Когда со сцены играла музыка и звучали речи, только одинокий снеговик на перилах моста взирал на это действо. Через час после окончания концерта приехали активисты группы «Солидарность», привезя пакет с фотографиями и охапки свежих цветов. Как выяснилось из разговора, предупреждая разгром, который власть бы непременно учинила, чтобы «прибраться» к концерту, хранители мемориала сами убрали его, чтобы на следующий день восстановить, что и было сделано.

Создателям и хранителям спонтанной святыни, родственникам, волонтерам или музею как хранителю памяти позволено распоряжаться судьбой мемориала, не раня чувства тех, кто этот мемориал создавал, а вот коммунальные службы и власти воспринимаются как агрессоры и святотатцы. По прошествии нескольких дней после образования кемеровских мемориалов появляются публикации, например, с таким заголовком: «Цветы в честь жертв смертельного пожара в Кемерове оказались на помойке в р. п. (рабочем поселке — *Е. Ю.*) Маслянино: Меньше, чем через сутки, розы и гвоздики выкинули в мусорку. Маслянинцы в гневе»[16]. И это запускает коллективное обсуждение судеб спонтанных мемориалов.

Что делать с подношениями на мемориалах?

В дни траура по Кемерово во многих городах развернулись ожесточенные интернет-дискуссии, как поступить с мемориалом, и со временем в каждой из них находится какой-то компромиссный вариант, принимаемый локальным сообществом, и он уже воспринимается спокойно. В положенные сорок дней все мемориалы так или иначе исчезают, траур заканчивается, и тема уступает место другим информационным поводам, и онлайн, и офлайн. Но согласованность выбранного решения сама по себе представляет ценность для эмоционального сообщества горюющих. Именно это делает его, вне зависимости от материального вклада каждого, адресантом мемориала.

29 марта организатор благовещенского мемориала памяти обратился к жителям с вопросом, куда убрать игрушки[17]. В тот же день публикуют-

[16] https://berdsk-online.ru/news/proisshestviya/cvety-v-chest-zhertv-smertelnogo-pozhara-v-kemerove-okazalis-na-pomoyke-v-r-p

[17] http://www.amurnews.ru/dvazhdydva/208596/

ся материалы с репликами жителей Владивостока[18], Красноярска[19] и др. Авторы публикаций используют одну и ту же стратегию: приводя комментарии людей, сами они отказываются от выбора позиции. Общество к этому моменту не вырабатывает единого мнения в ответ на требования администраций очистить места памяти.

Далее начинаются отчаянные попытки эту норму выработать. Омская администрация объявляет, что игрушки будут утилизированы согласно санитарным нормам, но «в помойку точно ничего не выбросят»[20]. Во Владивостоке, Рыбинске и Железногорске вещи забираются в церковь, где нуждающиеся могут их забрать[21], в обсуждениях инициатив в сети «ВКонтакте» сотни комментариев, в том числе, сомнения, что принятие нуждающимися таких даров будет добровольным и информированным[22]. Кемеровская[23] и Омская администрации решают отдать игрушки на благотворительность[24]. С осуждением этой инициативы выступил Милонов, назвав ее неэтичной[25]. В статье «Сохранить нельзя убрать: что думают омичи о «траурных» игрушках с мемориала погибшим в Кемерове»[26] (31 марта) решение мэрии «собрать, обработать и раздать нуждающимся семьям» игрушки с мемориала называется кощунством[27].

Но надо отметить, что комментариев, высмеивающих такое сопротивление, тоже довольно много. Под статьей о Рыбинске разворачивается дискуссия об энергетике игрушек с мемориала: «Интересно, чем думают люди, твердящие что-то там про плохую энергетику? ‹…› Сначала рабочие на фабрике в поте лица производят ткани и наполнитель. Они матерятся, они устали и хотят только домой и отдохнуть. ‹…› И вот грузчики, снова матерясь, выгружают коробки в магазине. ‹…› Вопрос: на каком этапе игрушки могли бы напитаться "положительной энергетикой"?»[28].

И все-таки 4 апреля в Хабаровске игрушки передают в храм для подарков детям, а в Саратове мемориал в мусорных пакетах вывозят на свалку. В Тюмени игрушки отправляют в монастырь. В Благовещенске и Тайшенте Иркутской области — относят на кладбище и кладут на детские могилки. В Ковров отдают в центр реабилитации, в Серове — в «красный крест». В Кемерово начинается обсуждение постоянного знака памяти, в августе на месте пожара — и мемориала — устанавливают

[18] https://123ru.net/pics/141583939/

[19] https://prmira.ru/news/eto-mogilka-v-socsetyah-posporili-kuda-devat-igrushki-s-memoriala-v-detdomili-na-kladbishe/

[20] https://gorod55.ru/news/city/29-03-2018/igrushki-s-memoriala-v-skvere-druzhby-narodov-ne-vybrosyat-na-pomoyku

[21] https://primamedia.ru/news/681174/, http://76.ru/text/gorod/414606875242496.html, http://jeleznogorsk.monavista.ru/news/2707845/

[22] https://vk.com/wall-126438294_316866

[23] http://kavkaz.mk.ru/articles/2018/03/31/posle-mitinga-pamyati-o-pogibshikh-v-kemerovo-igrushki-peredali-v-internaty-kbr.html

[24] https://www.om1.ru/news/society/136922/

[25] https://gorod55.ru/news/society/30-03-2018/milonov-ne-etichno-darit-maloimuschim-detyam-igrushki-s-memoriala-skorbi

[26] https://www.om1.ru/news/society/136945/

[27] https://www.om1.ru/news/society/136945/

[28] https://pikabu.ru/story/opyat_yeta_tema_no_5814028

памятный камень. То есть на практике реализуются самые разные варианты (подробнее об этих вариантах см. ниже).

Одна из первых возмущенных публикаций в СМИ о разрушении мемориала относится не к попыткам утилизировать приношение неоднозначным образом, например, раздать детям, а с их уборкой в мусор (будничные действия ЖКХ) и с возмущенным комментированием этого факта в соцсетях: «А по-вашему, игрушки сами должны разойтись, своими "лапками"?»[29]. Несмотря на иронию, автор комментария верно определил проблему: предметы с мемориала действительно не могут исчезнуть сами, но и устраивающего всех способа их убрать тоже не существует. Согласно представлениям, разделяемым многими нашими информантами, как деревенскими жителями, так и горожанами, эти предметы принадлежат умершим, и поэтому их присвоение расценивается как прямое воровство с последующей расплатой. Эта идея проявляется в онлайн-обсуждении судьбы кемеровского мемориала. Комментируя идею раздать игрушки нуждающимся, некоторые пользователи жалеют людей, которые станут объектами такой благотворительности: «Офигеть... Бедные многодетные семьи...»[30]. Игрушки с мемориала моментально вызывают ассоциацию с предметами, оставленными на кладбище: «Я тоже в шоке, считаю это неправильным. У этих игрушек другое предназначение. Это равносильно тому, если бы мы с кладбища собрали игрушки и еду и тоже раздали нуждающимся»[31].

О том, что страх получить в дар вещь, адресованную покойнику, силен среди аудитории рунета, говорит, например, активное обсуждение «мишек из роз»[32], развернувшееся в начале 2019 года. Часть пользователей доказывали, что новый товар на рынке подарков — ритуальная игрушка для поминовения, неправильно интерпретированная продавцами, другие пользователи обвиняли первых в некритической реакции на информационные вбросы и в суеверности.

Указание на поминальный статус игрушки само по себе выступает мощным репеллентом, однако не для всех и не всегда. Как показало обсуждение кемеровских мемориалов, для ряда пользователей сети на первый план выходят другие нормы и этические запреты, но об этом ниже.

Игрушки для живых или для мертвых?

После трагедии в Кемерово в соцсетях возникали споры на тему, что правильнее: относить игрушки на мемориал или жертвовать деньги. Вопрос об отдаче игрушек для благотворительности преобразуется в

[29] https://vk.com/wall-126438294_316866

[30] https://vk.com/wall-126438294_316866

[31] https://www.om1.ru/news/society/136945/

[32] Пример обсуждения под рекламой товара от 1.02.2019, с репликами: «С черными ленточками и искусственными розами жутковато мишка смотрится :(что на ленточке написано?», «Вадим, совершенно верно, в Европе эти мишки предназначены для деток, которых больше нет» и др. https://vk.com/wall-55693644_330751?reply=330753 Публикация, подводящая итог интернет-спорам: https://semicvetic.com/blog/mishka-iz-roz-traurnaya-igrushka-ili-radost-everyday/

вопрос о бессмысленности создания самого мемориала: «Чем теперь игрушки и цветы им помогут, детей не вернуть. Их, может, и не надо было отдавать детям, но и приносить зачем — это бесполезно, родные их будут и так помнить»[33]. И ответ на этот вопрос напрямую связан с тем, кто же основной адресат приношения: живые или умершие (см. выше раздел о том, кому адресованы приношения на мемориалах).

Вопрос об утилизации мемориала вписывается в дискуссию по поводу различных сакральных приношений, их осмысленности и сопутствующих норм поведения. В день Тихвинской иконы Божьей Матери, престольный праздник деревни Чернцово, люди собираются в сосновом бору, чтобы отметить явление иконы на одной из сосен[34]. Жительницы деревни, находящейся в 11 километрах, засовывая монету в кору сосны, приговаривают «Дай Бог здоровья!». Мужчина берет из сосны монетку, отколупывает ей щепочку и забирает и то, и другое. Женщина собирает монеты, говорит: «На церковь», — предлагает проходящим мимо детям помогать. Дети, только что наученные, возражают ей: «Нельзя брать!». Проходящая мимо молодая женщина достает из сумки сто рублей и отдает прямо в руки служительнице церкви. Кто же будет адресатом — сосна, Богородица, служители церкви, прохожие? В зависимости от того, как человек отвечает для себя на этот вопрос, он будет по-разному реагировать на действия, связанные с извлечением монет из сосны. Некоторые паломники стараются положить монеты повыше и поглубже. Такие монеты предназначены сверхъестественному адресату, их задача — остаться не убранными со священного места. Другие, наоборот, в равной степени готовы положить приношение за кору или отдать в руки человеку, собирающему деньги для церкви. Третьи говорят, что это «языческий обычай», скверный и неправильный (гораздо лучше прямо положить деньги в ящик для пожертвований): «Это, знаешь, дикость такая. Это лучше класть в ящик на храм, чем монеты пихать. Пихают... [А почему в дерево?] Это знаешь, суеверие такое, Богу забрать, здоровья мол даст. А лучше положить на храм». В одном из интервью говорится, что *душа монетки*, положенной в сосну, отлетает Богу, а ее тело забирают люди[35].

Итак, если адресат — люди (в случае престольного праздника — служители церкви, в случае Кемерово — скорбящие родственники), то оставление предметов в святых местах — напрасный расход ресурса. Если адресат — духи и души, то священные места — единственный возможный канал передачи, и убирание приношений оттуда равносильно «отзыву» подарка.

Что делать с вещами, с которыми ничего делать нельзя?

Выше мы пришли к выводу, что решение по мемориалу должно приниматься той группой, которая считывает себя адресантом коммеморации, какой бы большой или маленькой она ни была. В случае с трагедией в

[33] https://www.om1.ru/news/society/136945

[34] По результатам экспедиций Е. Ф. Югай и Е. Ю. Мельниковой в 2010–2017 годы.

[35] Ж., ок. 60 и 40 лет. Записано во время праздника Тихвинской иконы Божьей матери в д. Чернцово Никольского района Вологодской области в 2017 году.

Кемерово, эта группа была максимально широка, что повлекло за собой многочисленные онлайн-дискуссии. Но откуда же взялось такое количество предложений по утилизации и такая напряженность спора? Чтобы разобраться во множестве предлагаемых вариантов, необходимо провести сравнение с типологически похожими практиками. В современных городских и деревенских практиках есть конвенции по поводу утилизации разных предметов, выступающих как ритуальные, то есть одновременно ценные и опасные.

Важным фактором становится наличие своего пространства. Если такое пространство имеется (кладбище, церковь, постоянный мемориальный комплекс), то вопрос об утилизации стоит менее остро. Легко[36] утилизируемые предметы вовсе не требуют уборки: они смываются дождем, съедаются птицами, сгребаются в кучи, где разлагаются и превращаются в перегной. Сложно утилизируемые также остаются неубранными довольно долго, преобразуя пространство своим присутствием. Часто право уборки делегируется представителям места (женщинам из прихрамовой среды, работникам кладбища и др.), тогда как сами дарители воспринимают этот акт как односторонний: можно только давать, оставлять, приносить, но не брать.

Такую ситуацию можно считать наиболее естественной для ритуальных даров, но если пространство присвоенное, она невозможна. Вот тут и возникают практики «безопасной» утилизации ритуального предмета. Речь, конечно, идет в первую очередь об обрядовой безопасности, но и физические параметры дара неизбежно оказывают влияние на такие практики. Так простые предметы подвергаются самостоятельному уничтожению, а избавление от сложных обставляется как отдельное действие (торжественное сжигание или повторное ритуальное использование).

И то, и другое сопровождается апотропейными практиками, в которых могут быть задействованы огонь, вода, чужой человек (странник) или чужое (ничье) пространство. По умолчанию люди не могут забирать предметы с кладбища, равно как и любые другие предметы с земли. Это связано с представлением о «доле», об опасности «заразиться чужой судьбой». Но есть те, на кого это не действует. Нищие, служители церкви и странники, не имеющие своей судьбы («доли»), выступают в качестве посредников с потусторонним миром, таких же, как огонь и вода. Поэтому найденные на улице деньги рекомендуют отнести в церковь или подать нищему, поэтому сами служители церкви и нищие не боятся брать предметы с сакральных мест — они имеют право и даже должны заботиться об этих исключенных из «доли» обычных людей вещах.

Некоторые примеры представлены в таблице (*Табл. 1*).

Если праздничные практики в традиционной культуре могут быть как частными, так и публичными, как в специальном, так и в общественном пространстве, то публичные поминки в присвоенном пространстве — это сочетание, не имеющее аналогов в традиции. Именно поэтому поведение со сложно утилизируемыми предметами мемориала может быть

[36] Под легко утилизируемым понимается мусор, который по истечении недолгого времени исчезает сам. Под сложно утилизируемым — такой, ликвидация которого требует специальных усилий или техники.

Табл. 1. Практики утилизации ритуальных предметов

		Нет своего пространства		Есть свое пространство	
		Легко утилизируемое	**Сложно утилизируемое**	**Легко утилизируемое**	**Сложно утилизируемое**
Праздники	**Частные**	Ветки вербы в Пасхальном цикле — сжигаются, пускаются по воде, относятся на кладбище	Георгиевские ленты — относятся на кладбище (перемещаются в столбец «Есть свое пространство»)	Церковные свечи — сгорают	Дары, огарки от свечей — право распоряжаться делегируется женщинам из прихрамовой среды
	Публичные		Масленица, Троицкая березка — сжигаются, пускаются по воде	Еда (печенье, конфеты) на «обетных местах» — не убираются (скармливаются птицам)	Ленточки на «обетных местах» — не убираются, обозначают особое пространство
Поминки	**Частные**	Поминальная пища — выплескивается на перекресток	Одежда умершего — раздается (деревня), относится в церковь или в приюты для бедных (город)		
	Публичные	*цветы на мемориале	*игрушки на мемориале	Еда и цветы на могилах — не убираются (скармливаются птицам) или выбрасываются в пределах кладбища	Игрушки на кладбище — не убираются, обозначают особое пространство

*По поводу спонтанных мемориалов норма не выработана, и эти практики не являются традиционными, поэтому они отмечены знаком звездочки (их место в этой таблице — реконструируемое).

ассоциировано сразу с несколькими моделями, но не найдет точного соответствия ни в одной из них. Далее будут рассмотрены параллели игрушек в спонтанной коммеморации с близкими, но не тождественными ритуальными предметами и конвенциональными практиками их уборки (соответствующая строка и соответствующий столбец таблицы).

Захоронить игрушки. Первая параллель — коммеморативные практики, существующие в своем пространстве (*Табл. 1*) и, соответственно, никакой глобальной уборке не подверженные. Некоторые пользователи социальных сетей призывают к сохранению мемориала, строительству контейнера и, наконец, к захоронению игрушек. Но второе вызывает «жутковатые ассоциации», а первое наталкивается на возражения, связанные с нерациональностью: долговременные мемориалы выглядят совсем иначе — это памятники из камня и металла. Ворох цветов,

игрушек и записок — форма быстрого и ограниченного поминовения, за исключением тех случаев, когда сопротивление превращает временное в принципиально вечное и почти институциональное, как в случае с «Немцовым мостом». В большинстве случаев срок поминовения — девять или сорок дней, потому что место в городском ландшафте, которое занимают мемориалы (центральные — и многофункциональные — точки, такие как парки, площади, подножья главных памятников), предполагает «смену экспозиции» вместе со сменой актуальной для большинства горожан новостной повестки.

В сети обсуждается идея отвезти игрушки с мемориала на кладбище (специальное пространство поминания): «А на кладбище Южное или другое, смысл везти сотни игрушек, куда их там ставить, к каким могилам, куда? Надо было просто чтобы до 9 дня полежали только... а потом убирать.. или до 40 дня.. но ведь растащат тогда точно с площади...»[37]. В некоторых городах этот сценарий реализуется, и игрушки передаются умершим детям (кладутся на могилы). Но это возможно воплотить не везде.

Передарить приношения. Далее рассматриваются варианты ритуально безопасного уничтожения. Пускание по воде не осуществимо технически (и не избавит от мусора), а вариант сжигания приобретает дополнительные коннотации и выпадает из символически безопасных: благовещенский волонтер «полагает, что дарить их кому-то неправильно, но и сжигать по понятным причинам тоже нельзя»[38]. Понятные причины — это ассоциации с событием-триггером, которые могут возникнуть, если дары — и субституты — детей погибнут в огне.

Близки ситуации спонтанного мемориала индивидуальные практики, связанные с утилизацией вещей умершего — очищение через передачу чужому человеку. Но мемориалы публичны, а передача вещей через публичное пространство сопряжена с вопросом о социальной роли берущего (в традиционной культуре это, чаще всего, нищий или странник). Во многих дворах принято относительно хорошие вещи (одежду, обувь, мебель) не выбрасывать в мусоропровод или бак, а оставлять перед ними. Такой жест говорит о желании, чтобы вещь продолжала служить кому-то другому. Однако забрать такую вещь сложнее, чем положить: так человек 1950-х годов рождения признается, что когда уносил хорошие предметы с помойки, то предпочитал делать это поздним вечером или ночью, чтобы не быть замеченным[39]. Соседство с мусорным баком делает вещь нечистой, и не с точки зрения гигиены (что решается санитарной обработкой, а не выбором темного времени суток), а с точки зрения социальной оценки берущего. С другой стороны, среди более молодых горожан в последние годы набирают популярность практики вторичного использования вещей из экологических соображений.

В обсуждении «передаривания» приношений с кемеровского мемориала присутствуют противоположные модальности: нельзя — можно — нужно.

[37] https://vk.com/wall-126438294_316866
[38] http://www.amurnews.ru/dvazhdydva/208596/
[39] М., 1953, г. Вологда.

Как пишет омская газета, «Лауреат премии "Народный герой" и отец десятерых детей Антон К…в считает такой вариант (благотворительность) вполне оправданным: "Я думаю, это нормально. Там они пропадут быстро и на помойку уедут, погибшим в Кемерове этим не помочь, а отдать в детские дома — это нормально"»[40]. Не случайно авторитетность мнения подчеркивается именно таким определением говорящего: он представляет собой группы, которые выступают адресатом и адресантом приношений — соответственно, родители и «народ».

В одном из обсуждений судьбы мемориала в социальных сетях появляется следующий комментарий: «Эти игрушки люди несли в память по сгоревшим детям и сжечь их (игрушки) как предлагают некоторые или утилизировать — это и есть кощунство. Ведь на самом деле очень много детей действительно нуждаются, и память о погибших будет жить вместе с этими игрушками, радуя других детей, живых, которым это действительно необходимо»[41]. Комментарий набрал в десять раз больше лайков, чем остальные реплики в этой ветке, что показывает одобрение сообщества. В последнем высказывании видна и другая этика, экологическая: ресурсы должны перерабатываться и перераспределяться. Превращение хорошей, пригодной для использования вещи в сложно утилизируемый мусор, согласно этой этике, трагична, как преждевременная смерть.

Воровство с мемориала как традиционная практика. Традиционное отношение к возможности вещей обрести нового хозяина проявляется в теме воровства. Уже 29 марта, через два дня после массовых возникновений мемориалов, появились сообщения о похищении игрушек с мемориалов («Ростовчан возмутили кражи игрушек с мемориала кемеровской трагедии»)[42]. Несмотря на заголовок статьи, в ней приводятся как осуждающие, так и оправдывающие комментарии. В оправданиях звучит ссылка на нищенские пенсии и предположение о крайней нужде воровавших. 31 марта похожий материал вышел в Южно-Сахалинске — «Пенсионерки воровали игрушки с мемориала жертвам пожара в "Зимней вишне"»: «Видео, появившееся на YouTube, вызвало волну возмущения. "Твари, просто слов нет, злости не хватает", написали одни. … "Интересно за сколько продавать потом будут у метро эти игрушки?", задался вопросом один из пользователей. … Хотя нашлись и сочувствующие: все равно же дворники через время все уберут и свезут на свалку, пусть хоть бедные пенсионеры подработают лишнюю копеечку»[43]. В другом материале, где говорится о забиравших игрушки девушках, таких оправдательных ноток не присутствует[44].

Тема воровства неотступно сопровождает и традиционные рассказы о «святых местах», и ее трактовка не так далека от обсуждения городских практик, как могло бы показаться. На уже упомянутом празднике Тихвинской периодически возникают микро-конфликты между теми, кто

[40] https://www.om1.ru/news/society/136945/
[41] https://vk.com/wall-29725771_265151?reply=265156
[42] https://www.eg.ru/society/494743/
[43] https://politnews.net/78628
[44] https://pg11.ru/news/61053

кладет монеты в сосну, и теми, кто их забирает. Первые подозревают вторых в воровстве, жалуются, что «мужики берут на водку». Отношение к старушкам, которые собирают «на храм», обычно сочувственное и доброжелательное, а к тем, кто собирает «для себя» — осуждающее. В разговоре с женщиной, собирающей «для себя», выясняется, что еще в детстве мать посылала ее на кладбище собирать конфеты и кормиться там — для нее принадлежность к «нищенству» нейтрализовала запрет, существующий для остальных. Так же и мужчины, выпивающие и закусывающие на чужой могиле, доказывают, что еду на могилах оставляют не умершим, а живым — странникам, прохожим, тем самым ставя себя в позицию нуждающегося (странника). В их интерпретации — это система социального страхования, которою они, как обездоленные, по праву пользуются[45]. Грань между воровством из ритуального места и обрядовой раздачей нищим очень тонка.

Заключение

Спонтанные мемориалы сакрализуют пространство в двух направлениях. С одной стороны, это транспонирование кладбища, в котором в избыточной форме присутствуют признаки могил: много цветов, свечей, подношений, съедобных и нет, фотографии умерших, иконы и кресты. С другой — это публичное пространство, открытое для участия, но одновременно связывающее граждан в сообщество скорбящих. Эти две составляющие спонтанных мемориалов по-разному определяют хозяина подношений. Как показала коммеморация пожара в Кемерово и ее обсуждение в соцсетях, в российском обществе нет устоявшейся нормы, что именно уместно делать с поминальными дарами и кто имеет право принимать это решение.

В первом случае владельцем является потусторонний адресат: недавно умершие и незабытые жертвы трагедий, убийств, несчастных случаев. Согласно этой логике вещи должны утилизироваться таким способом, чтобы не обидеть умерших. В традиционной модели мира обездоленные (нищие, сироты) находятся на границе между людьми и сверхъестественным, а потому на них не распространяются опасности, связанные с владением вещами, принадлежащими покойникам. И поэтому именно они имеют право — и должны — присваивать себе подношения умершим, тем самым очищая от них повседневное пространство.

Во втором случае хозяином мемориала становится общество (адресант) — та его часть, которая выказала солидарность с горюющими путем подношения или потенциально готова это сделать. И поэтому решение о перемещении мемориала — если это мемориал вернакулярный — должно приниматься коллективно. Право на сами действия по уборке и формулирование решения может передаваться волонтерам общественных организаций или другим активистам. Как вариант: мемориал в той или иной форме должен продолжать существовать во владении общественности.

[45] Полевые материалы автора.

В поиске решений люди опирались на традиционные модели, выработанные для утилизации материальных ценностей, задействованных в поминальном ритуале, а именно: ритуализированное уничтожение или раздача обездоленным. Эти модели вступали в сложные отношения друг с другом и с попытками рационализировать городскую коммеморацию, например, соединив ее с благотворительностью и, косвенно, с экологией. «Прагматичная» модель утилизации опирается на экологические практики, направленные на избегание бессмысленного мусора и сохранение вещей, которые можно использовать снова.

Игрушки-приношения на мемориалах выступают как ценность и как опасность, и возможны три тактики обращения с ними: оставить на месте (но это невозможно, потому что мемориал, в отличие от кладбища, это пространство присвоенное, не принадлежащее коммеморации, а как бы на время арендуемое ей), забрать (отдать другим) или выбросить. Для второго нужно лишить эти вещи их опасности (например, взять в посредники церковь), а для третьего — ценности (что обычно происходит само собой, когда, по истечении времени, сообщество перестает следить за судьбой приношений, но не раньше).

Предпочтение «человеческого» очищения очищению водой и огнем выглядит менее мистично и согласуется со светской этикой (от благотворительности до фудшеринга), но когда возникает тема вторичного использования игрушек с мемориала, именно традиционные представления подсказывают возможные варианты нового хозяина: церковь, дети из бедных семей, дети-сироты и другие объекты благотворительности, которые могут служить субститутом умерших.

Литература

Архипова, А. С., Козлова, И. В., Гаврилова, М. В. (2019). Кричать нельзя молчать: горе как акт протеста или лояльности. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 82–121.

Архипова, А. А., Радченко, Д. А., Волкова, М. В., Кирзюк, А. А., Титков, А. С. (2017). *Мониторинг актуального фольклора-2016: методы и результаты*. М: РАНХиГС.

Виноградова, Л. Е., Левкиевская, Е. Е. (Сост.). *Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века*. Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Громов, Д. В. (2017). *Немцов мост: стихийная мемориализация*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Мониторинг актуального фольклора (2015). Бюллетень. Выпуск XI–XII (ноябрь-декабрь 2015 года). Выпуск подготовили: А. С. Архипова, М. И. Байдуж, М. Д. Волкова, Д. Ю. Доронин, А. А. Кирзюк, И. В. Козлова, В. Ф. Лурье, Д. А. Радченко, Д. С. Рыговский, А. Д. Соколова, А. С. Титков, Е. Ф. Югай. М.: РАНХиГС.

Панченко, А. А. (1998). *Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России*. СПб.: Алтея.

Сантино, Дж. (Автор), Гаврилова, М. (Пер.). (2019). Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 14–26.

Соколова, А. Д., Юдкина, А. Б. (2012). Памятные знаки на местах автомобильных аварий. *Этнографическое обозрение, 2012*(2), 150–164.

Трагедия в Кемерово (2018, 26 апреля). *Левада-центр.* Режим доступа: https://www.levada.ru/2018/04/26/tragediya-v-kemerovo/

Югай, Е. Ф. (2017). Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия. *Археология русской смерти, 2016*(3), 39–51.

Durbin, J. L. (2003). Expressions of mass grief and mourning: The material culture of makeshift memorials. *Material Culture, 35*(2), 22–47.

Foster, G. (1965). Peasant society and the image of limited good. *American Anthropologist New Series*, *67*(2), 293–315.

Grider, S. (2007). Public grief and the politics of memorial: Contesting the memory of 'the shooters' at Columbine High School. *Anthropology Today, 23*(3), 3–7.

Low, S. (2004). The Memorialization of September 11: Dominant and local discourses on the rebuilding of the World Trade Center Site. *American Ethnologist, 31*(3), 326–339.

References

Arkhipova, A., Kozlova, I., Gavrilova, M. (2019). Screaming not silence: Grief as a protest and as manifestation of loyalty. *Urban Folklore & Anthropology, II*(1–2), 82–121. (In Russian).

Arkhipova, A., Radchenko, D., Titkov, A., Volkova, M., Kirzyuk, A. (2017). *Monitoring of current folklore-2016: methods and results*. Moscow: Delo. (In Russian).

Durbin, J. L. (2003). Expressions of mass grief and mourning: The material culture of makeshift memorials. *Material Culture, 35*(2), 22–47.

Foster, G. (1965). Peasant society and the image of limited good. *American Anthropologist New Series*, *67*(2), 293–315.

Grider, S. (2007). Public grief and the politics of memorial: Contesting the memory of 'the shooters' at Columbine High School. *Anthropology Today, 23*(3), 3–7.

Gromov, D. (2017). *Nemtsov Bridge: Spontaneous memorialization*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (In Russian).

Low, S. (2004). The Memorialization of September 11: Dominant and local discourses on the rebuilding of the World Trade Center Site. *American Ethnologist, 31*(3), 326–339.

Monitoring of current folklore (2015). Bulletin. Issue XI–XII (November-December 2015). Issue prepared by: A. Arkhipova, M. Baiduzh, M. Volkova, D. Doronin, A. Kirzyuk, I. Kozlova, V. Lurie, D. Radchenko, D. Rygovsky, A. Sokolova, A. Titkov, E. Yugai. Moscow: RANEPA. (In Russian).

Panchenko, A. (1998). *Research on folk orthodoxy. Sacred places in the villages of Northwest Russia*. St. Petersburg: Aleteiia. (In Russian).

Santino, J. (Author), Gavrilova, M. (Trans.). (2019). Performative commemoratives: Spontaneous shrines and the public memorialization of death. *Urban Folklore & Anthropology, II*(1–2), 14–26. (In Russian).

Sokolova A., Yudkina, A. (2012). Memorial signs on the sites of car accidents. *Etnograficheskoe obozrenie, 2012*(2), 150–164. (In Russian).

The tragedy in Kemerovo (2018, April 26). *Levada Center.* Retrieved from https://www.levada.ru/2018/04/26/tragediya-v-kemerovo/ (In Russian).

Vinogradova, L., Levkievskaya, E. (Compl.). *Folk demonology of Polesje: Publications of texts recorded in the 1980s-1990s. Vol. 2: Demonologization of dead people*. Moscow: Handwritten monuments of ancient Russia, 2012. (In Russian).

Yugai, E. (2017). To commemorate in verse: commemorative naive poetry. *The Archeology of Russian Death, 2016*(3), 39–51. (In Russian).